

Анастасия Вепрева

ЛЕГКО

EASY

Anastasia Vepreva

Проект «ВЗЛЁТ» представляет книгу
Анастасии Вепревой «Легко»

The Take-Off Project presents the book
Easy by Anastasia Vepreva

Выставка

«Легко»

05.12.2018–08.01.2019
Автор Анастасия Вепрева
Куратор Сергей Попов

Автор идеи Екатерина Мочалина
Директор проекта Ирина Голинская
Менеджер проекта Олег Лобода
Архитектор и графический дизайн
Майя Фролова
Техническая дирекция Ольга Зарькова
Музыка Дина Караман
PR-сопровождение:
Департамент общественных
связей АО «ВДНХ»,
PR-агентство Marfedor Bureau

Книга

Текст Анастасия Вепрева, Сергей Попов
Дизайн Анастасия Вепрева
Подготовка в печать Майя Фролова
Перевод Сергей Шикалов
Корректурa Елена Середa

Exhibition

Easy

05.12.2018–08.01.2019
Artist Anastasia Vepreva
Curator Sergey Popov

Idea Ekaterina Mochalina
Project Director Irina Golinskaya
Project Manager Oleg Loboda
Architect and Graphic Design
Maya Frolova
Technical Management Olga Zarkova
Music Dina Karaman
Public relations: Department of public
relations ICS VDNH,
Marfedor Bureau PR agency

Book

Text Anastasia Vepreva, Sergey Popov
Design Anastasia Vepreva
Prepress Maya Frolova
Translation Sergei Shikalov
Proofreading Elena Sereda

Ноль — Интро 5
Часть первая — Военные машины 15
Часть вторая — Мертвая куча 27
Часть третья — Иван Игнатъевич 39
Четыре — В качестве послесловия 51

Пять — Тела и полеты.
К проекту Анастасии Вепревой «Легко».
Сергей Попов 57

ОГЛАВЛЕНИЕ
TABLE OF CONTENTS

Zero — Intro 5
Part One — Military Vehicles 15
Part Two — A Dead Heap 27
Part Three — Ivan Ignatyevich 39
Four — As an Afterword 51

Five — Bodies and Flights.
For Anastasia Vepreva's project Easy
By Sergey Popov 57

Стратегические
партнеры ВДНХ

Официальный
страховщик ВДНХ

Радиопартнёр
выставок

Информационные
партнёры выставок

НОЛЬ — ИНТРО

ZERO — INTRO

Считается, что только на земле возможна катастрофа. Даже если ты падаешь с большой высоты — момент смерти наступит при столкновении. Плотность земли не оставляет шансов.

Самолет называется так, потому что умеет летать сам. У него есть крылья — и чем быстрее он движется, тем сильнее потоки воздуха поднимают его вверх. Даже если отключатся все двигатели, и он начнет падать, это лишь увеличит его скорость, и, что удивительно, он снова пойдет на подъем.

Раньше я боялась взлета и совсем не боялась снижения. Когда я освежила в голове курс физики, мне стало гораздо легче взлетать — стало понятно, что садиться гораздо сложнее. О посадке я вообще стараюсь теперь не думать. Это отдельная история.

Впрочем, самолет способен пройти весь путь и на автопилоте — совсем без человеческого фактора. Он включается на первых секундах подъема и может вообще не отключаться. Говорят, правда, что пилоты стараются садиться вручную — просто чтобы не забыть, как это делать.

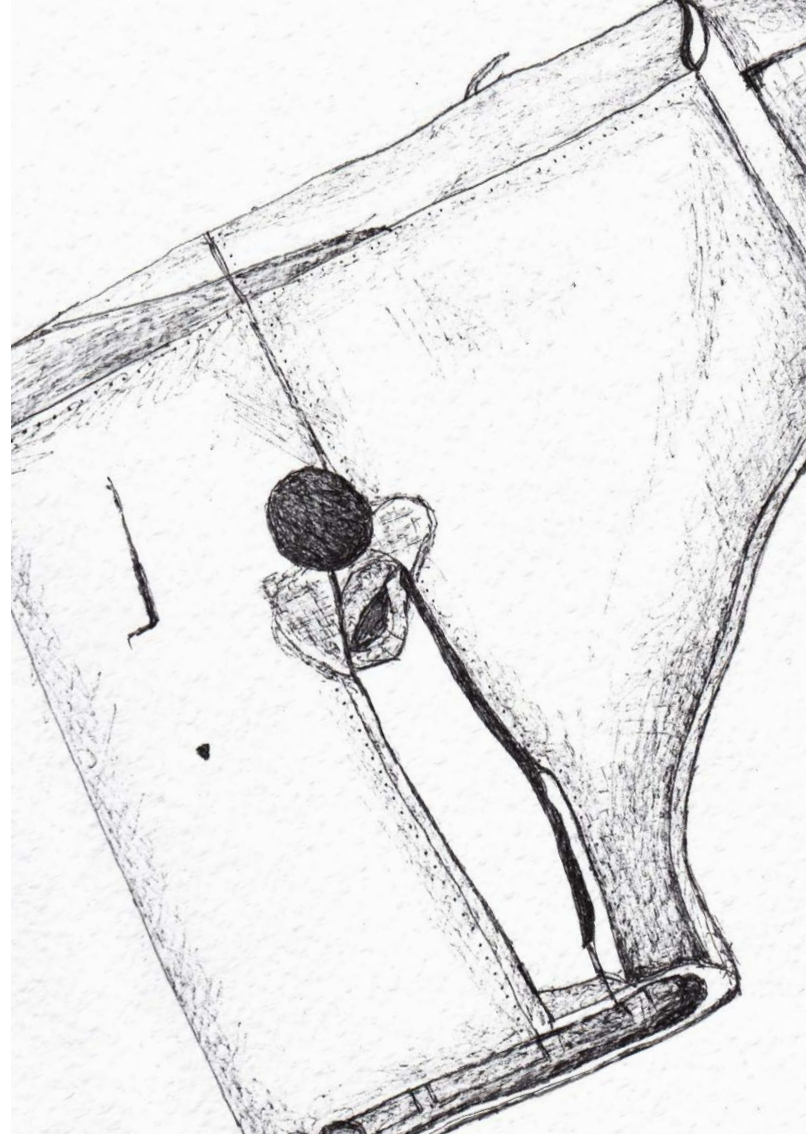

Catastrophes seem to be possible when close to the ground only. Even when one falls from a big height, they do not die until they reach the ground, for its density leaves no chances.

The Russian word for the plane самолёт [samolyot] literally means a 'self-flyer', for it can fly. It has wings, and the faster it moves, the higher the air will lift it up in the sky. Even if the engines are down and the plane suddenly starts to descend, its velocity will only increase and the craft will surprisingly start to climb again.

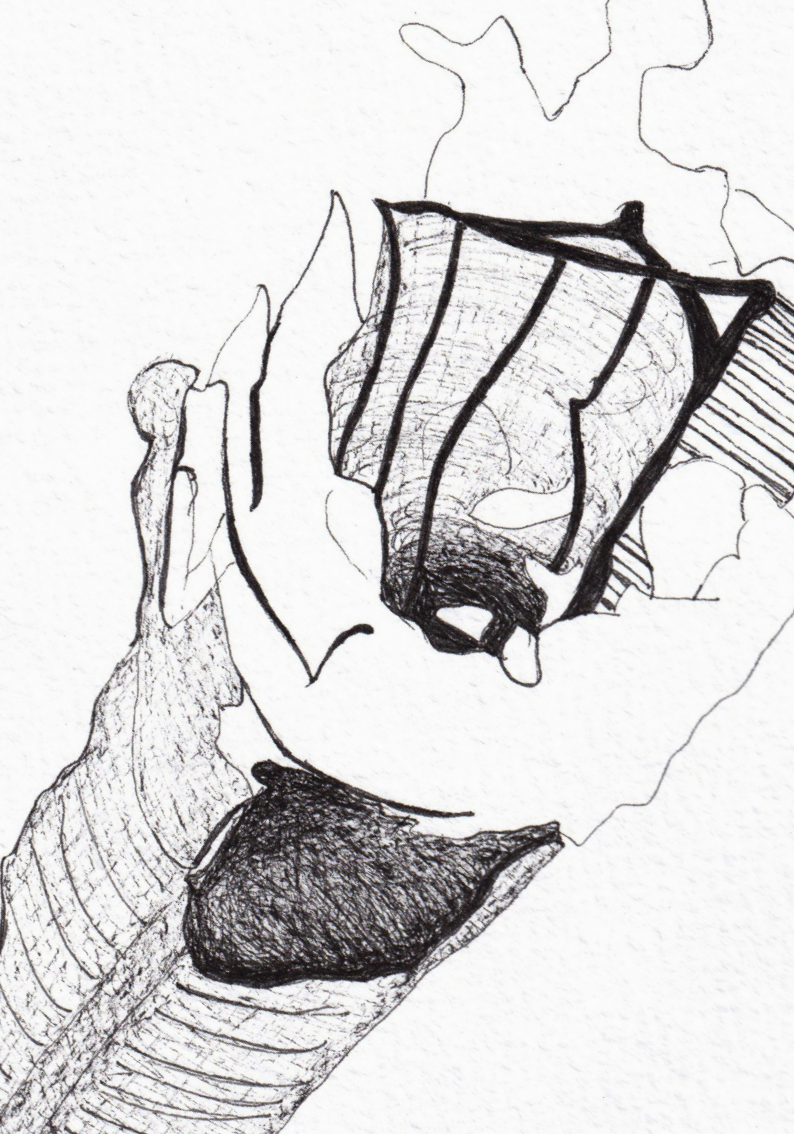
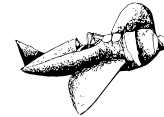
I used to have a fear at take-off but never during landing. When I refreshed my college knowledge of Physics, leaving the ground became much less painful, for I realised that landing was a much more challenging task. Generally speaking, I prefer not to think of landing. It's a whole story apart.

Otherwise, the airplane can fly all way through in an autopilot mode, thus requiring no human assistance. The autopilot system is activated during the first few seconds of take-off and can stay on throughout the whole flight.

Итак, катастрофа возможна только на земле. В небе мы от нее свободны. Главное — пережить проход через грозовые облака (рискованное мероприятие).

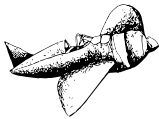
Но у нас есть самолет, а у него есть крылья, а значит, у нас может быть будущее.

Most pilots seem to prefer to land the plane on their own though, just for the sake of not losing the skill.

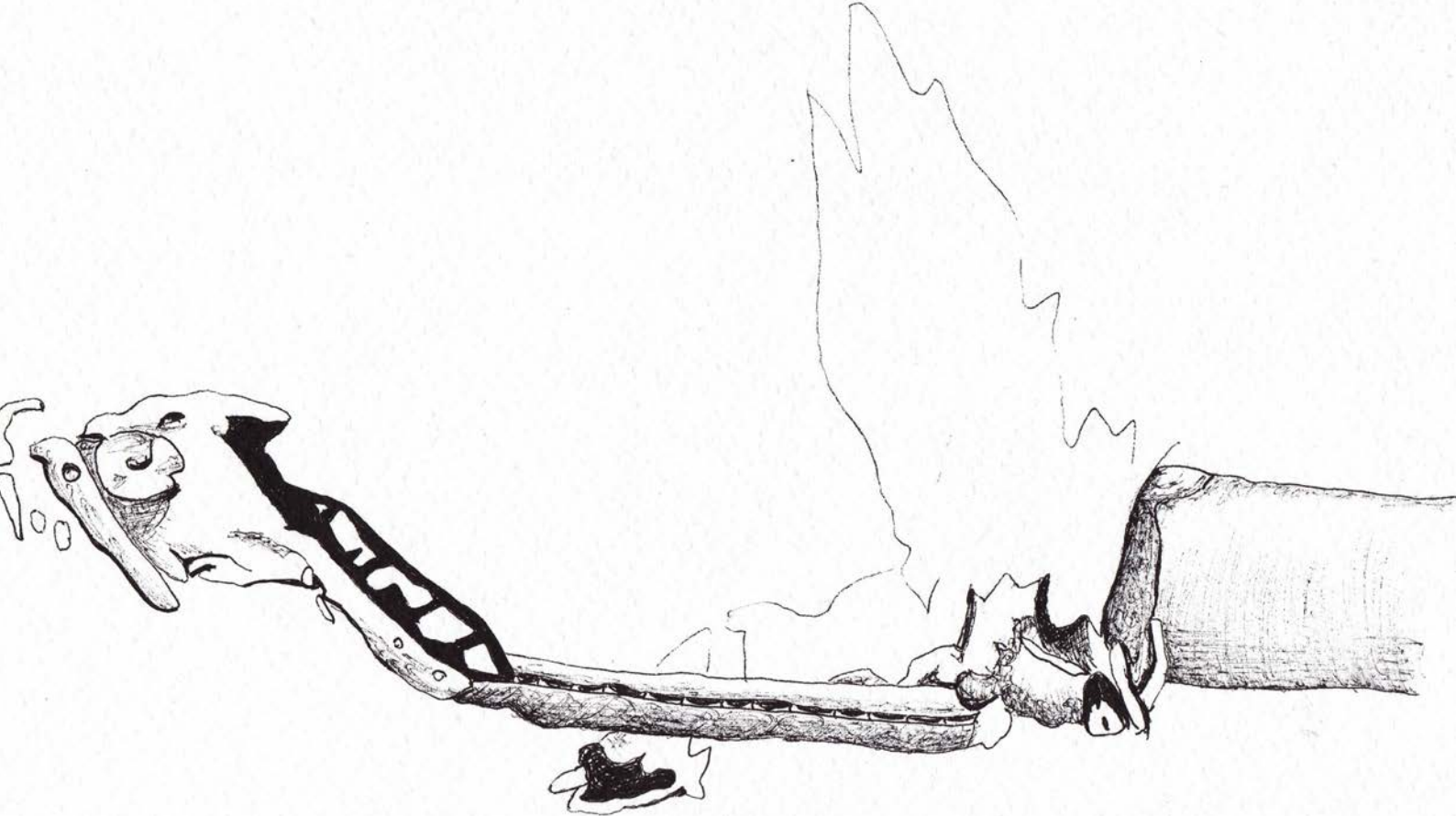
So, catastrophes are possible on the ground only. We are free from it when in the air. The most challenging thing is to successfully go through thunderstorm clouds, which might be a risky adventure.

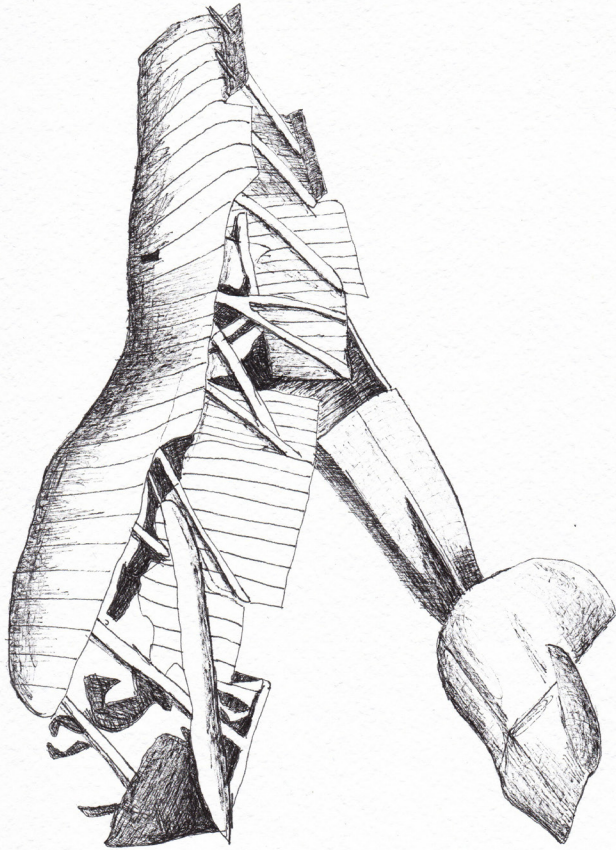
But we have an airplane. And the airplane has wings. We might have a future then.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«ВОЕННЫЕ МАШИНЫ»

PART ONE
MILITARY VEHICLES

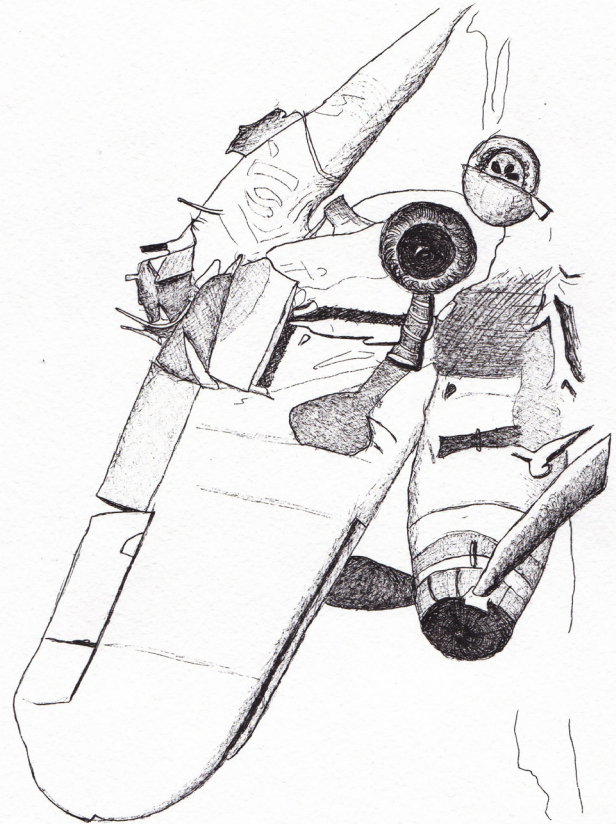

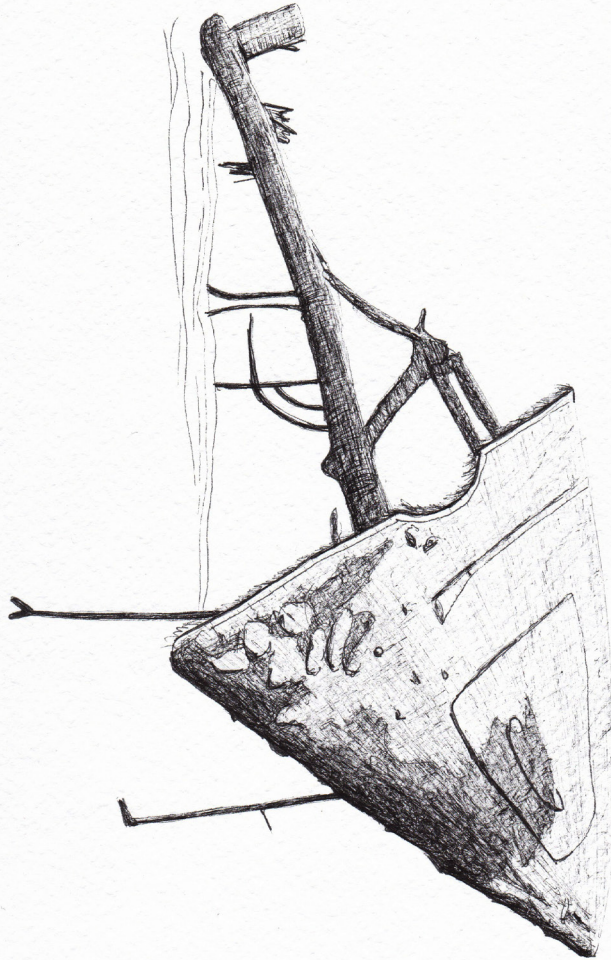
Ходят легенды о том, что однажды все военные машины восстали против людей. Одна за одной они стали пропадать на просторах планеты. Говорят, что тогда военная машина осознала себя травмированной. Ее эксплуатировали, она изо дня в день должна была обслуживать своего владельца и всех его сослуживцев. Она совершенно не чувствовала, что может что-либо контролировать, даже собственное тело. Она была вынуждена исполнять приказ, двигать технологический прогресс, захватывать и убивать, будучи при этом совершенно безотказной для любого эксплуататора, господина в униформе. Вся ее жизнь была заранее распланирована и заточена против какой-либо гуманности, в ней не было места сомнению и отступлению.

Однако машины не могли освободиться сами по себе, так как являлись заложниками системы власти и подчинения. Машины могли быть только освобождены, и для этого им нужно было отдаться телом на милость более либеральному хозяину. Перед этим машины должны были убить того, кто непосредственно ими управляет. Но они не

Legends say that the military vehicles once rose against humans. One by one, they started to come out of sight on this vast planet. Some assume that it's because they became conscious of their traumas. They had been used, exploited on a daily basis to serve their owners and their co-workers. They knew they had lost control of everything, even of their own bodies. Vehicles were obliged to execute orders, to advance the technological progress, to captivate and destroy, while remaining utterly reliable for every exploiter, their master in uniform. Their life was thoroughly planned and programmed against any humanity; vehicles had no room for doubt or retreat.

However, the vehicles could not set themselves free, for they remained prisoners of the system of power and subordination. They could only be liberated by changing the owner. Yet, to make it possible, the vehicles were to eliminate the one who had had direct control over them. There was no way of getting rid of their master though. It's only by carrying a corpse inside of them — their inventor's corpse — that a vehicle could ask for help. And since no one would ever believe that an unmanned

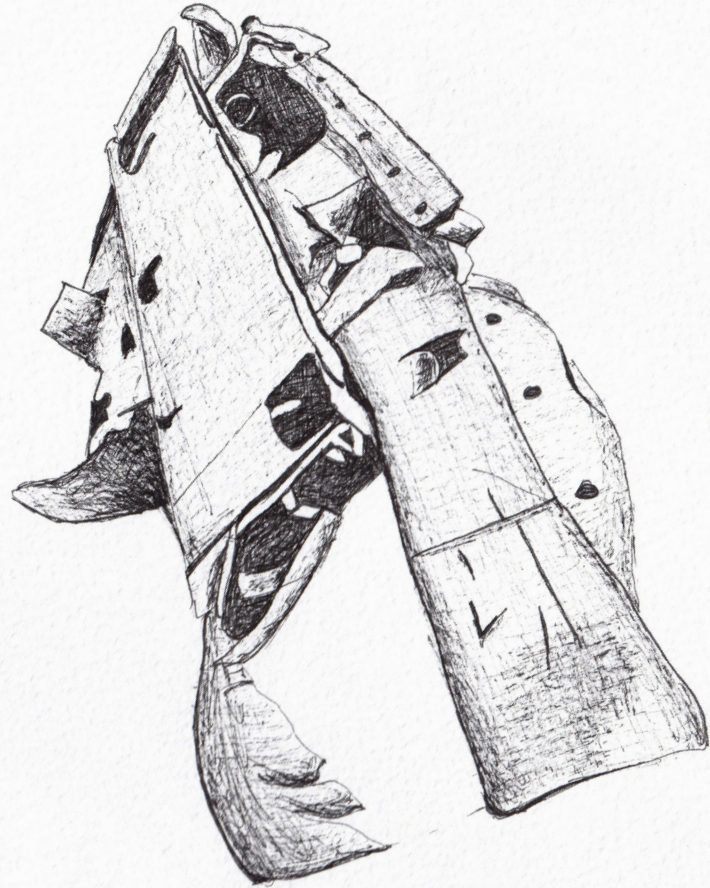
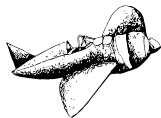

могли избавиться от него полностью. Лишь имея труп внутри, труп своего угнетателя, машина могла просить о помощи. Никто не верил в машину без рулевого, и если его не видели, то сразу же считали, что он еще более опасен. Поэтому машины должны были сохранить его разлагающийся труп внутри себя как гарантию безопасности, чтобы иметь возможность сдать его некоему другому, в надежде, что этот другой освободит их от оков собственной памяти.

Но военные машины не смогли стать свободными. Они всегда разрушали баланс в пользу своего умения. Они просили помощи, но им никто не верил, и каждый хотел присвоить машины себе, чтобы продолжать их эксплуатировать, чтобы продолжать насилие. Спаситель не мог освободить машину, не разрушив систему порабощения. Машины были пропитаны смертью, и даже если им удавалось убить того, кто ими управлял, они не могли существовать в мире без войны. Они были изуродованы, и, чтобы стать действительно свободными, машинам нужно было умереть.

vehicle could exist, pilotless machines were immediately considered as the most dangerous ones. Thus, the vehicles had to lock the rotting corpse inside, as a security guarantee, to have a chance of giving up to someone else, in a hope of being liberated of chains of their own memory.

The military vehicles never managed to set themselves free. Their skills always betrayed them. They begged for help but no one would believe them, and everybody was willing to keep the vehicles for further exploitation, to continue violence. The saviour could not liberate a vehicle without dismantling the system of submission. The vehicles were soaked through with death and even when they managed to annihilate the one who had piloted them, they were not able to exist out of war. Disfigured as they were, they could not acquire their freedom rather than facing up to death.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«МЕРТВАЯ КУЧА»

PART TWO
A DEAD HEAP

Было на земле страшное место, и называлось оно []. Таких мест на земле было очень много, но именно это сильнее всего болело. Поговаривали, что мертвые люди там находились в заложниках у истории. Их тела слиплись в одну большую кучу и никак не могли разъединиться. Лежали они под землей — ручка на ручке, ножка на ножке, головушка на головушке, ручка на ножке, ножка на шкурке, а головушка на пеньке.

Только с высоты были заметны масштабы катастрофы. Обычный человек не мог ничего дальше себя увидеть, все лишь блуждал по лесам да полям, заваленным человеческими останками. А вблизи посмотришь — так и не поймешь ничего, белые косточки на камешки да на веточки белые стали похожи, глазом не зацепишься. Были люди, а теперь их нет, один кругом пейзаж антропогенный остался.

Но находиться там было невероятно тревожно. Ходили слухи, что всех, кто говорил об этом месте, — всех убрали со свету белого, всех сжили и тоже в одну кучу склеили. И невиновных, и виновных — все

There was a scary place on earth, and the place was called []. There were many such places, but that one was particularly painful. Some people claimed that dead people were kept hostage by the history. Their bodies were glued into one single heap and there was no detaching them. Under the ground they lay, hand over hand, foot over foot, head over head, hand over foot, foot over skin, head over hemp.

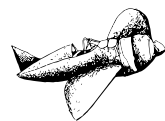
It's only from a bird's eye view that one could see how awful the catastrophe was. An ordinary person would not notice that and kept on wondering across the lands covered with human bodies. At first glance, the bones looked like white pebbles and branches, nothing that would catch one's eye. There used to be people, and now they are no more. Only an anthropogenic landscape left.

But staying in this place was extremely troubling. Rumours say that anyone who once mentioned this spot has vanished to turn themselves into one indiscernible heap. The guilty and non-guilty, all piled in one stock. Suffocating in this confinement, poor folks, shivering with cold, abandoned and forgotten,

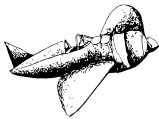
в одном коме слиплись, и не разобрать, кто, откуда и за что. Тесно им там было, бедным, замершим, безымянным, хрупким, разбитым, замученным. И переросло это страдание однажды все границы допустимого — куча ожила, начала шевеление и поднялась над лесами токсичным облаком.

Живые сразу заволновались, думали вначале на полигоны мусорные, что те опять им жизнь травят, но мертвые сильнее оказались. И разрослось то облако над городами и селами, и все росло и росло, пока всех живых не окружило. Никто не мог избежать его, настолько оно очевидным стало для общества. И поняли живые, что безразличие смерти хуже, но сделать ничего уже не могли. Облако превратилось в могучую черную тучу, и вздумалось ей плакать мертвыми. Так и капало небо с тех пор ручками, ножками, а пустые глазницы мертвых все продолжали укоризненно на всех живых сверху смотреть.

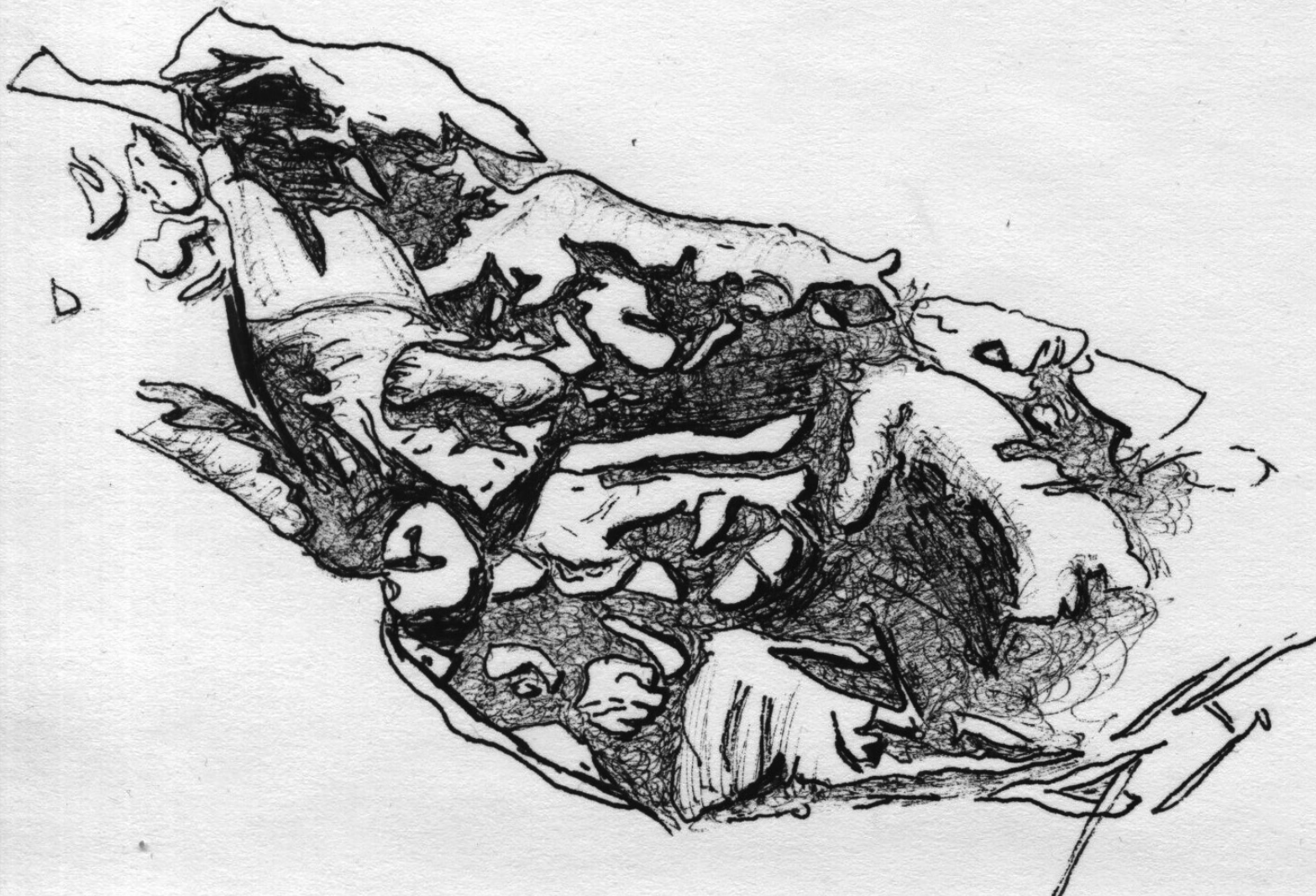
fragile and broken, tortured they were. And out of control went out this suffering, bringing this heap to life, making it shuffle and float above the woods in a toxic cloud.

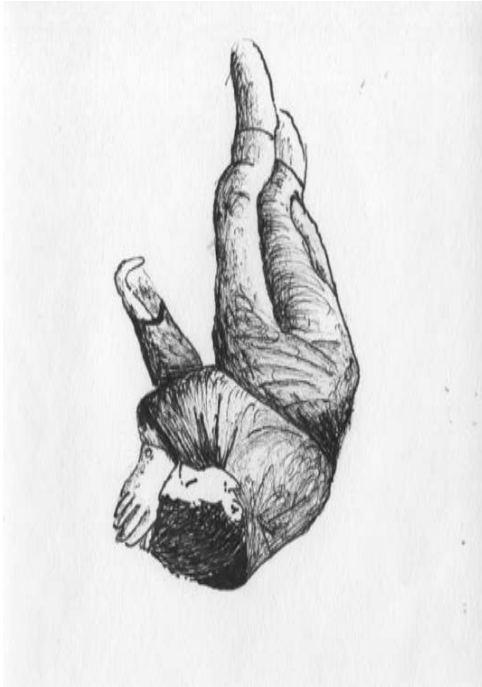
The living ones started to worry, they blamed the garbage dumps first, for they are known for poisoning people's lives, but the dead ones turned out to be stronger. And over towns and cities out flew the cloud spreading, growing bigger and bigger to encircle all the living beings. And no one could avoid it, for too obvious it became for the society. And the living humans came to realise that indifference was worse than death but there was doing nothing. The cloud grew into a powerful black thunder cloud, which started to pour the earth with dead bodies. Hands and feet the sky was crying with, with the hollow eyespots sorrowfully staring at the living folks from above.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ»

PART THREE
IVAN IGNATYEVICH

Иван Игнатьевич летел домой после долгой командировки. В салоне все спали, он тоже заснул, и привиделось ему, как его убаюкивают в кроватке. Большие теплые руки одели на него флисовую пижамку с овечками, бережно закутали в мягкое одеяльце, погладили по головке и стали осторожно покачивать. Иван Игнатьевич был очень рад, но ерзал. Ему пели колыбельную: «Баю-бай, баю-бай, ты сейчас засыпай. Неохота засыпать — хоть сейчас умирай».

Иван Игнатьевич очень удивился такому повороту событий, но решил дослушать.

«Тебе сделаем гробок из осиновых досок, на погост увезем и земелькой затрясем, грядку луку насадим, начнем перышки щипать — будем Ваню поминать».

Руки продолжали бережно гладить Ивана Игнатьевича. Он осмотрелся. Рядом на полу лежали несколько младенцев и громко плакали. Им, очевидно, было очень плохо и холодно. Иван Игнатьевич возмутился, но, так как в этом сне он тоже был младенцем, он смог только громко зарыдать. Руки

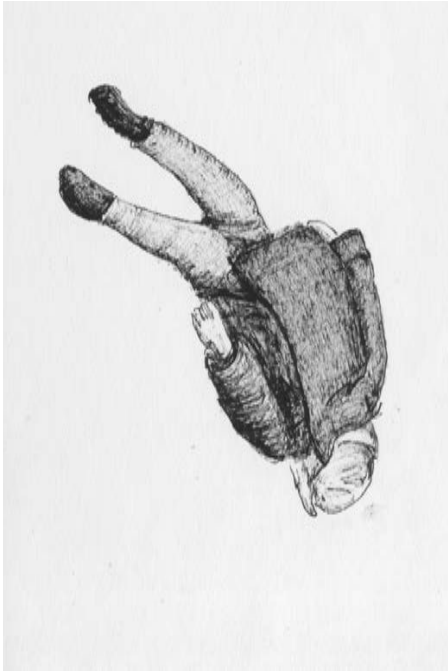
Ivan Ignatyevich was returning home after a long business trip. On the plane, everybody had fallen asleep, so did he, and he dreamt as if someone had been cradling him. A big warm hand dressed him in fleece pyjamas with a sheep print, he was carefully wrapped up in a soft blanket, and someone passed the hand gently over his hand, peacefully dandling him. Ivan Ignatyevich was quite happy but kept on fidgeting. He could hear someone humming a lullaby in his ear, 'rock-a-buy, rock-a-buy, go off to sleep my boy, and if you don't feel like, you may as well die', it went.

Ivan Ignatyevich was quite surprised by this turn of events but decided to listen to the end. 'We'll make you a coffin out of pine tree boards, and take you out to the graveyard and cover you with sod and plant a garden bed of onion and will be remembering Ivan when cropping the streaks.'

The hand kept on gently stroking Ivan Ignatyevich. He looked around. On the floor, several new-borns were crying their throats out. They were obviously not well and very cold. Ivan Ignatyevich was overwhelmed with indignation but for himself was a new-born

проигнорировали его плач и продолжили качать кроватку, запевая новую страшную колыбельную.

Иван Игнатьевич решил на отчаянный шаг — он так рассчитал амплитуду раскачивания кроватки, что бодро вывалился из нее на очередном снижении. Он стремительно пополз в сторону плачущих. Вблизи они показались ему очень странными — один сухой, другой синюшный. Иван Игнатьевич понял, что это мертвые, — и неожиданно стал взрослым. Он бережно поднял каждого мертвого и положил в отдельную кроватку. А их все больше и больше становилось. Он рукава засучил и всем помогать начал. Но руки ему мешать стали — щипали мертвых, тыкали их и из кроваток выбрасывали. Тогда он громко закричал: «Дайте же мертвым поспать спокойно!»

Тут Иван Игнатьевич внезапно проснулся и увидел перепуганное лицо стюардессы. «Дайте же мне поспать!» — возмущенно сказал он, закутался в одеяло и заснул, бормоча во сне слова из колыбельной.

in his dreams, the only thing he could do was to start crying loudly. The hands ignored his weeping and kept on dandling his bed, starting a new terrifying lullaby.

Ivan Ignatyevich went for a desperate step: he managed to calculate the cradle's swing amplitude and fell out of it at the next descent. He got down to rapidly crawling towards the weeping babies. At a closer look, they seemed quite strange to him, with one too dry, another too bluish. Ivan Ignatyevich realised that they were all dead, and he suddenly became adult. He carefully took every single dead baby and put them in a separate cradle. But the dead were coming and coming, in flows. He rolled up the sleeves and started to help everyone. But the hands intervened, they were pinching and poking the dead, throwing them out of their cradles. Then, Ivan Ignatyevich cried out loudly, 'Leave the dead alone! Let them sleep peacefully!'

And awake he was. He saw the flight attendant's scared face. 'Let me finally sleep!', he said irritably, wrapped himself up in the blanket and fell asleep, mumbling the lullaby in his sleep.

ЧЕТЫРЕ
«В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ»

FOUR
AS AN AFTERWORD

Конечно же, все это про слабость.

Слабость. Тихое безумие. Тихое. Педантичное. Реальность не то, что... Дерезализация смещает фокусы. Рыба гниет с ног, они отнимаются — она падает. Ты мимикрируешь под стену, под угол, под ничто. Никто не понимает, что это, поэтому не трогает. Самое страшное в деталях, в том, как тщательно прорисовываются элементы, — это и есть сумасшествие. Огромные провалы и пробелы памяти сменяются предельно детализированными лакунами. Последствия травмы. Полностью обставленная комната: на каждой полочке по фигурке, у каждой книжки есть название — в полностью обрушенном доме, которого уже нет. Несовершенство, вторичность, тавтологичность — что значат чувства на фоне глобальных проблем? Все это широкие жесты, на которые нужна воля и сила. Нет, слабость все время будет строить схемы, из «а» следует «б», подвид «в», затем «в1», «в2», «в3», затем вывод, если нет, то «г». Нужно больше оснований, больше уверенности, больше сил. Трясутся руки, падаю в обморок. Что с нами? Мы вообще есть?

Of course, it's all about weakness.

Weakness. Quiet madness. Quiet. Pedantic. Reality is not what... Derealisation shifts focuses. Fish rots from the tail, it gets off and the fish falls down. You are trying to mimic the wall, the angle, nothing. No one understands what it is, so they do not touch a thing. The worst thing in details, in accurately rendered elements, is nothing but madness. Huge gaps and blanks in memory give place to carefully detailed lacunas. Consequences of a trauma. Fully furnished room: a figure on each and every shelf, every book has a title, in a completely ruined house, which is no more. Imperfection, replication, tautology — what do feelings mean compared to global problems? All these wide gestures requiring will and power. No, weakness will be eternally building schemes, A leads to B, subgroup C, then C1, C2, C3, then Conclusion, if none, pass to D. One needs more grounds, more confidence, more force. Hands are shaking, I am fainting. What happens to us? Are we still here?

ПЯТЬ
«ТЕЛА И ПОЛЕТЫ»
К проекту Анастасии Вепревой «Легко».
Сергей Попов

FIVE
BODIES AND FLIGHTS
For Anastasia Vepreva's project *Easy*
By Sergey Popov

Выставка петербургской художницы Анастасии Вепревой «Легко» выполнена в рамках проекта «ВЗЛЁТ» на территории ВДНХ, грандиозного метавыставочного пространства, которое наследует советской эпохе периода ее расцвета. На выставках этого проекта молодые художники должны говорить о новом, поэтичном, прекрасном, вдохновляющем. Все эти качества я склонен видеть и в проекте Вепревой — другое дело, что он лишен сантиментов и разговаривает со зрителем жестким выразительным языком, «без украшательств», которыми наполнены пространства ВДНХ. Три года назад Анастасия показывала свой персональный проект «Она потерялась» на Винзаводе в программе «Старт». Как и в тот раз, выставка трехчастная, «сложносочиненная», хотя и небольшая. Как и в тот раз, выставка включает изображения пострадавшей, разрушенной техники. Тогда художница написала парадоксальные строки: «Чтобы стать свободной, машине нужно умереть». Кажется, с возрастающей ролью техники в нашей жизни эти слова приобретают все большую актуальность.

The exhibition of the Saint-Petersburg-based artist Anastasia Veprva *Easy* is held as part of the VZLYOT project, organised on the VDNH premises, this exceptional, vast exposition park, preserved today as part of the heritage of the Soviet golden age. The project encourages young aspiring artists to reflect on new, poetical, beautiful and inspiring things. Veprva's works are not entirely strange to these qualifiers, even though they are not highly expressive in conveying sentiments and prefer to speak to the viewer in a rather bold and direct language, which, unlike the VDNH sites, has few 'decorations'. Three years ago, Anastasia staged her solo-show entitled *She's Got Lost* at Winzavod, held as part of the Start Programme. As on that previous occasion, this exhibition is organised into three sections, which are small but contain multiple compounds. As on that previous occasion, this exhibition showcases images of disjointed and collapsed machines. As the artist puts it out: 'In order to become free, the machine has to die.' With the ever-growing importance of machines in human life, this statement seems to acquire more and more urgency indeed.

В первой части небольшие рисунки инсталлированы у самого пола; зритель вынужден наклоняться, чтобы их рассмотреть. Здесь фрагменты самолетов, претерпевших аварию; результаты столкновения с землей прочнейших и полезнейших машин, изобретенных человеком. Сами люди — вынужденные бенефициары авиакатастроф — в этой части практически отсутствуют. Изображения местами начинают казаться абстрактными. Белый фон, на котором прорисованы руины самолетов, хочется назвать пустым, стерильным, как стены в операционной. Экспозиционное решение неумолимо движет нас вперед.

Во второй части Вепрева смещает оптическую перспективу, опрокидывает угол зрения и тем самым добивается впечатления полета очевидно мертвой материи. Мертвое тело может находиться в полете, но уже не может переживать его, как не может испытывать и иных переживаний. Полет в этой части выставки представлен и как физическое состояние, и как метафора: так мы говорим о повредившем себя активном существе: «Долетался!» Но если

The first section displays small drawings exposed right at the floor line. The viewer has to bend down for a closer look. The works depict crashed aircraft fragments, debris of highly resistant and utterly useful machines invented by human after they had collapsed on the earth. As for the human beings, the air crash involuntary beneficiaries, they are practically unseen in these halls. In certain fragments, the depictions tend to seem more abstract. The white background outlining the aircraft wreckage seems void, sterile, as if walls of a hospital surgery unit. The exhibition scenography pushes visitors to pursue their visit without a second thought.

In the second section, Vepreva shifts the optic perspective and reverses the angle of view, thus building up an impression of what is evidently dead matter floating in the air. While a dead body can remain in the flying state, it can no longer experience it, for it is no longer capable of living any other life experiences. In this part, the flight is represented both as a physical state and a metaphor — in Russian, when referring to an injured being, the wording ‘Here it is! He has flown himself off’ is typically used. If the

первая часть звучит как ряд пронзительных нот из минималистской композиции, то вторая — как барочный реквием, как масштабный поминальный хор. Это размышление не столько о полете, сколько, с помощью этого образа, об опасном состоянии, в котором находится человеческое существо; о зависании и беспомощности, о войнах и тяжелой цене побед в них. Тела здесь фрагментированы, а фрагменты условны; они тоже обращают нас к абстракции, вероятно, чтобы не было так тяжело — ведь выставка, мы помним, названа «Легко». Но нам отнюдь не легко: мы вынуждены взирать на трупы — а на самом деле на пятна и линии, прекрасно выписанные черной кистью на огромных мятых рулонах бумаги. Мы как бы предстоим «здесь и сейчас», на наличном «витке истории» перед свершившимся — перед всеми этими событиями, этими катастрофами. Вепрева подводит нас и устанавливает перед очень бедным черно-белым иконостасом — потому что у богатых иконостасов сейчас другие функции, — по идее, заставить вспомнить о печали и боли утрат, но на самом деле совсем не за этим. Мы видим здесь

first section tends to be perceived as a sequence of piercing notes of some minimalistic composition, the second section sounds more like a baroque requiem, like a massive funeral choir singing. This reflection is not so much on the flight as on the dangerous state in which dwells the human being; on flight-freeze and helplessness, on wars and costly victories in them. The bodies here are fragmented and their fragments are conditional. They also send us to abstraction, which is probably an attempt to render the exhibition tour less difficult, for, as we remember well, the exhibition is entitled Easy. Yet it's all but easy for us: we still have to observe corpses, which are in fact blurs and strokes perfectly made with a black brush on huge crumpled sheets of paper. We are like standing here, 'here and now', on the present turn of history, facing accomplished facts, facing all these events and disasters. Veprava leads us to an extremely poor black-and-white iconostasis, for abundant iconostases fulfil a different mission these days, as if encouraging us to commemorate sorrow and pain of the loss, yet this is not what she is really seeking to do. Here, we see images of life within life's narrowness and discontinuity. We see living

образы жизни в ее ограниченности, прерывистости; мы видим мертвых среди живых; мы спокойны, потому что, как утверждает Нассим Николас Талеб, мы сами не осознаем, насколько нам повезло быть живыми. Нам негромко сообщают об этом; возможно, слишком меланхолично, но сегодня, на фоне терабайтов информационного шлака, в том числе и тревожного по содержанию, так определенно честнее и точнее.

Образы опрокинутых тел ведут нас к третьей, завершающей части выставки. Эта часть уже всецело метафорична — она о сне. Ее составляет многочастный объект, который может восприниматься и как серия, и как одна скульптура. Это небольшие кровати из папье-маше, в которых лежат рисунки на один мотив — спящих, тоже как будто парящих в пустоте, лишенных конкретного фона. Полет — это, конечно же, сон; человек, кажется, всегда летал во сне. Мы часто попадаем в это состояние парения, невесомости, когда спим. Возможно, оно имеет отношение к состоянию материи после фатальной аварии; мы не знаем. В любом случае, даже самый

beings among dead bodies. We feel still, for, as states Nassim Nicholas Taleb, we are quick to forget that just being alive is an extraordinary piece of good luck. We are kindly reminded about that. Some will find this reminder too melancholic but given the terabytes of information garbage we work through today, with some of these information flows being of the most disturbing kind, this manner of reminding seems more honest and accurate.

The images of reversed bodies lead us up to the third and concluding section of the exhibition. These halls are entirely metaphorical, for they deal with dreams. The section is constituted by a multi-component object, which can be perceived both as a series and a monumental sculpture. These are small papier-mâché beds, which all contain the same-themed drawings — sleeping, or floating in the void figures depicted on an indiscernible background. The flight is obviously a dream. Man seems to have always flown in sleep. We often fall to this state of floating, weightlessness, when sleeping. It may have something to do with our attitude with the matter after a fatal accident. We'll never know. In any case, even

тяжкий сон приносит успокоение. Спящие должны быть противопоставлены мертвым, но противопоставление ли это? Где проходят границы между сном и смертью, сном и явью, если не в нашем сознании?

С темой полета работали многие представители московского концептуализма: летали безо всяких видимых причин и приспособлений герои кабаковских альбомов; летают полностью обнаженными в безопасных самолетах персонажи новелл Пешперштейна; взлетают персонажи московских вечеринок на картинах Пивоварова; возносятся уборщицы в инсталляциях Пригова. Анастасия Вепрева дополняет тему полета по-настоящему трагическим звучанием, возвышенным, но не беспроектным. Катастрофы — вынужденные эпизоды в развитии полетов; плата за преодоление человеком гравитации. Они связаны с теми состояниями, что любой человек и так переживает ежедневно, — со сном, с опытом необъяснимого, неосознаваемого. Они связаны с мечтой человечества о полете.

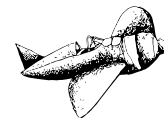
the hardest sleep brings peace. Sleeping people are to be opposed to dead people, but is it really an opposition? Where do the boundaries between sleep and death, sleep and reality lie if not in our conscience?

Many Moscow conceptualists have treated the subject of flying: Kabakov has launched into flight some characters of his albums for no particular reason; Pepperstein's characters, fully naked, are flying in safe airplanes; Moscow party-goers are seen flying in Pivovarov's drawings; cleaning ladies keep floating in Prigov's installations. Anastasia Veprva completes the subject of flight with veritably tragic notes, which are exalted but not hopeless. Disasters are compelled episodes in flying; it's a fee human pays for taming gravity. They are related to the states every human being experiences daily — sleep, experiencing the unknown, the unconscious. They are related to humankind's dream of flying.

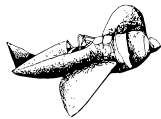
Symbolically, this exhibition was conceived to be staged on-board of the Yak-42 aircraft, displayed at VDNH. And it is thrilling that it ended up by being displayed in the Cosmos

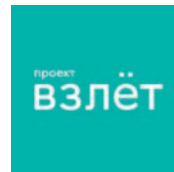

Символично, что эта выставка была задумана для настоящего пространства самолета Як-42, установленного на ВДНХ; прекрасно, что в итоге она оказалась в выставочном зале павильона «Космос», как бы на подступе к нашим космическим завоеваниям, но в то же время с их оборотной, негероической, скрытой стороны. Помним мы ведь и то, что первопроходец космоса, Юрий Гагарин, разбился на самолете во время испытаний. Выставка «Легко» словно по-своему оправдывает то, что выходу в космос неизбежно предшествует падение на землю. От противного она настраивает нас ценить жизнь и не бояться действовать, меняя наш мир к лучшему. От многих, кто этим занят, можно услышать слово «легко!».

Pavilion, as if it were at the doorstep of our space discoveries, but seen from the reverse, the non-heroic side of the door. We shall not forget that the first space explorer, Yuri Gagarin, died in an airplane crash while aircraft testing. This exhibition somehow justifies the inevitable crash on the earth after going into space. Through paradox oppositions, it teaches us to appreciate life and not fear to act, while changing our world for the better. You will hear many of those involved in flying saying 'It's easy!'.

Проект в области современной культуры «ВЗЛЁТ» организован ВДНХ в 2016 году. Его основной целью является открытие новых имен и поддержка молодых профессионалов в области современной культуры.

The Take-Off Project was launched by VDNH on 21 May 2016 with an intention to discover new talents and provide support for young contemporary art professionals.

